

Е. К. Созина

НИЖНИЙ ТАГИЛ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА. ЕКАТЕРИНА СИМОНОВА

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122

УДК 82(470.5)

ББК 83.3(235.55)

В статье рассматриваются образы Нижнего Тагила в современной поэзии Урала. Феномен «нижнетагильской поэтической школы», «нижнетагильского ренессанса» возник в начале 2000-х гг., когда в поэзию вошли молодые поэты круга Евгения Туренко. Школа просуществовала около десятилетия, но осталась в истории литературы. Парадокс образа родного города в стихах ее представителей состоит в том, что Нижний Тагил чаще всего представлен там как «отрицательный локус» или как своеобразное «минус-пространство», по выражению Д. М. Давыдова. Это наблюдается прежде всего в стихах самого Е. Туренко; в поэзии его учеников город если упоминается, то с отрицательным знаком, или замещается Кушвой. Иной образ города представлен в поэзии Екатерины Симоновой, также вышедшей из нижнетагильской школы и ныне проживающей в Екатеринбурге. Образ Тагила, созданный в ее стихах, тесно связан с темой памяти, семьи и семейного рода поэтессы, к которому она ощущает личную причастность. Поэтому в ее поэтическом мире так важны вещи, они хранят следы не только воспоминаний и прошлой жизни, но и отпечатки близких людей, которым она дает право голоса в своих стихах. Запечатлевая историю повседневности, Симонова создает стихотворные новеллы, стихотворные повести, в них перетекают одна в другую истории жизни разных людей. Нижний Тагил предстает как некое место, в которое постоянно возвращается лирическая героиня, его ментальная карта раскрывается через траекторию движения героини и ее постоянные взглядывания в себя как «другого». Он существует в ахронном измерении, это поистине «вечный город», выступающий точкой отсчета при встрече поэтессы с другими городами и людьми.

Ключевые слова: *Нижний Тагил, уральская поэзия, нижнетагильская поэтическая школа, Евгений Туренко, Екатерина Симонова, образ города*

если ты окажешься в городе
в котором никогда не окажешься
Е. Симонова

Давно стали хрестоматийными работы о «тексте» города В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, основателей структурно-семиотического подхода к изучению города и, соответственно, «городских текстов», и хотя сам В. Н. Топоров не спешил переносить понятие «петербургского текста» на другие города, согласимся с Т. Венцлова: «И все же позволительно утверждать, что любой город имеет свой “язык”, говорит с нами своей топографией, климатом, зданиями, а также корпусом произведений, связанных с его историей и судьбой. Этот язык может быть ограниченным, даже эмбриональным, как в случае многих современных городов, к которым часто применим советский термин “поселок город-

ского типа”, — или в высшей степени богатым и многослойным, как в случае Рима, Парижа, Дублина или Праги. <...> Можно сказать, что словесные и им подобные тексты являются вторичной городской “речью”, создающей своего рода знаковый двойник города. <...> Наряду с проблематичным понятием “текста города”, здесь можно и следует употреблять такие категории, как “городская мифопоэтика” или просто “городская поэтика”».¹

В данной статье пойдет речь о своеобразных знаковых двойниках Нижнего Тагила в стихотворениях некоторых современных поэтов Урала. Почему именно Нижнего Тагила? Так сложилось, что в начале 2000-х гг. в этом, казалось бы, совершенно нелитературном городе Среднего Урала стали возникать новые поэтические явления, и почти сразу появились наименования «нижнетагильская поэтическая

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., профессор, заведующая Центром истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

¹ Венцлова Т. К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста // Семиотика города: материалы III Лотмановских дней в Таллинском университете. Таллинн, 2014. С. 29, 30.

школа», «нижнетагильский ренессанс» и даже «нижнетагильский поэтический миф».² «Внезапный прорыв в актуальность» (Д. М. Давыдов) в поэзии этого города произошел, по мнению критиков, благодаря организующей роли Е. В. Туренко, с одной стороны, и доминированию поэтов-женщин (точнее, девушек) — с другой. Нижнетагильский ренессанс просуществовал крайне недолго: в 2008 г. Е. Туренко уехал из Тагила, в 2014 г. умер, а его ученики — практически все, за исключением Н. Стародубцевой, покинули город, так что «нижнетагильский миф», как выразился Д. М. Давыдов, остался теперь только «в истории русской поэзии».³ Но это не значит, что Нижний Тагил исчез с литературной карты — он сохраняется как культурный феномен и оказался востребован в актуальной поэзии последних лет.

Присутствие самого города в поэзии представителей упомянутого движения, или школы, тем не менее весьма парадоксально — этот факт отметил Д. М. Давыдов. Нижний Тагил представлен в стихах тагильчан как «отрицательный локус» или своеобразное «минус-пространство».⁴ Он не обладает своим мифопространством — он «просто удаляется упоминания».⁵ Наиболее показателен здесь сам Е. Туренко, учитель местных поэтов, — именно у него на месте Нижнего Тагила возникает «минус-локус»: «Есть такая дыра — называется городом N»;⁶ «и до самого нельзя — город Непариж»;⁷ «т'акой Т'агил, т'акое лет'о...»;⁸ или же локус с отчетливо негативной коннотацией: «В ихнем Тагиле нечем дышать, / незачем никогда».⁹ В этом ряду назовем его же «Тагильский реггей», «Элегию

серого города»: в содержании стихотворений нет ни образа, ни примет города, за исключением серости, упомянутой в названии. В сборнике Р. Комадея (ученика Туренко) 2012 г. мы встречаем мрачный, брутальный Тагил с «гарем<ом> на ГэГээМе»,¹⁰ Тагил подростковых банд, шалав и урок («В летучем Тагиле, на целый Тагил / тайга голодранцев: кастеты и биты»),¹¹ дымный, загаженный город, где «Морок и насморк. Движение пыли... дождь — словно дым».¹² Этот образ города детства и юности поэта перекликается с его же «Ебургом», «за бурые ребра» которого «положен заточенный нож»,¹³ — с тем «Ебургом» 1990-х гг., который известен читателям по роману А. Иванова 2014 г., в котором правила бал «братва» и жизнь была дешевле прежнего и будущего. Для 2010-х гг. этот образ Екатеринбурга уже несколько архаичен, хотя не исчезает из молодежной поэзии и дальше (см. стихи Д. Колчина, А. Носкова, Е. Чемякина и др.).

С чем же связано это отношение к городу в стихах его поэтов? Для Е. Туренко, выходца из Центральной России, «город N» — «Это город Беспамятенск, Лжевск или, скажем, Незнать, / но неважно»,¹⁴ ибо он такой же, как большинство городков России, там плачут «во тьме и навзрыд», такова традиция изображения провинциального российского города, сложившаяся еще в литературе XIX в. «Находясь за пределами уральского поэтического треугольника — Екатеринбург, Пермь, Челябинск, придуманного как описательный конструкт Алексеем Парщиковым и культивируемого Виталием Кальпиди, располагаясь во втором по величине городе Свердловской области, Нижнетагильская поэтическая школа неизбежно была включена в отношения провинции и центра»,¹⁵ — пишет Ю. С. Поддубнова. О провинциальности как проблемной величине по отношению к поэзии регионов много рассуждают авторы концептуальных статей в энциклопедии «Уральская поэтическая школа». Поэтическое движение, школа, говорят они, «феномен города, а не деревни»,

² См.: В. К. [Кальпиди В. О.] «Нижнетагильский ренессанс» [Послесловие в публикации: Моргулес И. Записки обжоры] // Уральская новь. 2002. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2002/12/zapiski-obzhory.html> (дата обращения: 12.12.2020); Антология современной уральской поэзии. Круглый стол: Дмитрий Кузьмин. Данила Давыдов. Дмитрий Пригов. Андрей Вознесенский. Richard Mckane. Daniel Wessbort // Уральская новь. 2004. № 18. URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/ant16.html> (дата обращения: 12.12.2020); Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 91–96.

³ Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса». С. 95. См. также: Новая карта русской литературы. Нижний Тагил. URL: <http://www.litkarta.ru/russia/nizhni-tagil/persons/> (дата обращения: 12.12.2020).

⁴ Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса». С. 93.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Туренко Е. Предисловие к снегопаду. Из пяти книг и двух тетрадей. М., 2011. С. 191.

⁷ Там же. С. 183.

⁸ Там же. С. 179.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ Комадей Р. Стекло. Книга стихотворений: в 2 ч. Челябинск, 2012. С. 46. Примечание автора гласит: «ГТМ — Гальяно-горбуновский массив, один из районов Нижнего Тагила» (Там же).

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Туренко Е. Указ. соч. С. 191.

¹⁵ Поддубнова Ю. С. «Я — Тагил!» практики самоопределения уральских поэтов 2000–2010-х гг. // «Вакансия поэта» в русской и зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков: материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2019. С. 107, 108.

однако «самая благоприятная среда для созревания поэта — это поселок городского типа»¹⁶ (ср. приведенное выше высказывание Т. Венцлова). Обсуждая «Антологию современной уральской поэзии» В. Кальпиди, Дэниэл Вайсборг замечает: «Урал считается пределом Европы и границей Европейской России. Имеет ли это значение для современной жизни вашей страны, я не знаю. Одно кажется определенным: понятие “провинциализма” как синоним ограниченности, старомодности, отсталости — само по себе устарело в эпоху электронных коммуникаций, а также в эпоху инфляции духа и информационных пробок, что свойственно прежде всего столичным городам».¹⁷

Урал всегда принципиально отличал себя от России, имея в виду под Россией («Расей») территорию страны к западу от хребта. А Нижний Тагил — это старинное промышленное (или горнозаводское) поселение, основанное Демидовыми в начале XVIII в. по указу Петра I. Промышленно-пролетарская слава индустриального Тагила продолжилась в XX в., когда в годы Великой Отечественной войны «Уралвагонзавод» выпускал большую часть знаменитых танков Т-34, броневую сталь для которых изготавливал другой промышленный гигант города — Нижнетагильский металлургический комбинат. Но к концу прошлого столетия город получает и иную известность: в Свердловской области Нижний Тагил — город с самой загрязненной атмосферой, и в России по неблагоприятности экологической обстановки он также стоит на одном из первых мест. Можно предположить, что с совокупностью этих обстоятельств связана нелюбовь к городу указанных выше поэтов. Впрочем, и за пределами региона Нижний Тагил зачастую воспринимается как средоточие черноты жизни, как «территория Севера и смерти» (Ю. Подлубнова). «Я отвезу тебя в Нижний Тагил, / где ничего кроме тьмы и могил. / В Нижнем Тагиле оставлю одну — / будешь от холода выть на луну. / Сам не останусь, уеду назад. / Там тебя волки однажды съедят»,¹⁸ — так представлен

город в стихах (2008) бийского поэта Д. Чернышкова. Тагил принципиально непоэтичен, и его своеобразным замещением для поэтов круга Туренко нередко становилась соседняя Кушва, где была размещена психиатрическая лечебница — «дом скорби». Это и ценностный антагонист Тагила (ведь образ безумия в традиции со времен романтизма окружен поэтическим ореолом), и его же зеркальный двойник, имеющий свои тайные смыслы в среде поэтов. В плане поэтического упоминания Кушву «завещал» ученикам сам Е. Туренко: «Светит в левом углу Кушва. / И по взгляду пойдешь, по льду».¹⁹ У Комадея Кушва освещена светом поэзии К. Н. Батюшкова: «Где сжатый голос, где огни, / где чушь несущая, как стены? <...> Так значит это он и есть — / Дурдом, поставленный на землю?»²⁰ И даже Е. Сунцова, в 19 лет уехавшая из родного Тагила и также опускающая его имя в своих стихах, «отметилась» в кушвинском топосе («В городе Кушва зима...»)²¹ Характерно, что имя Тагила порой встречается в стихах авторов, не живших в этом городе, и для них характерна иная тональность упоминания этого города, например: «Стрекозы легки: / кругами летают в Нижний / и Верхний Тагил...» (Е. Оболикшта «За дождь или два...»);²² «Мы с тобой целовались у плит <...> Мы шептались друг другу: “Мой друг / Эта вечность и нежный Тагил”» (В. Семенцул «Нежный Тагил»);²³ Индустриальный облик, свойственный многим уральским городам, в стихах поэтов 2010-х гг. традиционно приобретает Екатеринбург — но, в отличие от предшествующей традиции «производственной» поэзии 1930–1970-х гг., чаще всего с негативной коннотацией: «...и медленно входит в живой человеческий мозг / железной занозой индустриальный Свердловск»;²⁴ «Здесь наши лица копотят и злят, / А дым заводов копотит нам лица, / Людей ломает, хуже чем в столице, / И в мулов превращают жеребят»;²⁵ «Окаменевшие птицы рассыпаны по Уралмашу — бассейну / верхнепышминских ручьев»;²⁶ и др.

ры. URL: <http://www.litkarta.ru/russia/nizhni-tagil/library/kruglov-re-skazki/> (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁹ Туренко Е. Указ. соч. С. 138.

²⁰ Комадей Р. Указ. соч. С. 6.

²¹ Сунцова Е. Голоса на воде. М., 2009. С. 119.

²² Антология современной уральской поэзии. 2012–2018 гг. Челябинск, 2018. С. 394.

²³ Там же. С. 478.

²⁴ Расторгуев А. Дом из неба и воды: стихи, поэмы. Екатеринбург, 2006. С. 141.

²⁵ Носков А. ЕКБ // Антология современной уральской поэзии «Екатеринбург 20:30». СПб., 2013. С. 107.

²⁶ Колчин Д. Окаменевшие птицы... // Там же. С. 70.

¹⁶ Раков В., Кальпиди В., Болдырев Н. Уральский треугольник: город как точка входа // Уральская поэтическая школа: энцикл. Челябинск, 2013. С. 28–41.

¹⁷ Антология современной уральской поэзии. Крутлый стол... URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2004/18/antl6.htm1> (дата обращения: 12.12.2020).

¹⁸ Чернышков Д. Я отвезу тебя в Нижний Тагил // Новая карта русской литературы. URL: <http://www.litkarta.ru/russia/nizhni-tagil/library/chernyshkov-ya-otvezu/> (дата обращения: 12.12.2020). См. также стихотворение С. Круглова (2007). Круглов С. RE-SKAZKI // Новая карта русской литерату-

Сложившуюся традицию изображения Нижнего Тагила в поэзии последнего десятилетия меняет Екатерина Симонова. Ее стихи в целом заслуживают более подробного анализа, мы же в данном контексте пройдем лишь тагильским маршрутом, весьма протяженным и важным в последнем сборнике Е. Симоновой «Два ее единственных платья» (2020).

Е. Симонова — подчеркнуто уральский поэт. Вот фрагмент из ее монолога, где говорится именно об Урале: «Что касается заповедности, то начнем с того (да и закончим этим), что я родом из Нижнего Тагила. Мое детство — это заводские трубы, ярко-розовые, ржавые и оранжевые дымы вышеупомянутых бесконечных труб, конец восьмидесятых. Количество моих выездов из этого города лет до 30 чуть ли не равняется количеству пальцев на моих руках. Поэтому о заповедности говорить сложно, в отличие от обыденности.

Я до сих пор люблю этот город, но ощущение малой родины мне не совсем понятно. Малая родина — это мои родители. Не станет их — не станет и малой родины, если хорошо подумать, потому что тогда точно закончится детство».²⁷

Автор, рассказывающий о себе, и тот герой/героиня, что от имени автора говорит в его стихах/прозе, не одно и то же. Нижний Тагил в поэтическом сборнике Симоновой — это город, откуда уходят и куда постоянно возвращаются (и неважно, что это связано с необходимостью поэта-человека постоянно навещать стареющих родителей), это некое место и памяти, и жизни, а такое сочетание в поэзии бывает довольно редко; наконец, это некий вечный город — как вечны в культуре, в поэзии Рим, Петербург/Ленинград, Венеция и другие великие города, наделенные в веках и в текстах особой аурой, города, сами по себе являющиеся местами памяти и культуры. Казалось бы, как можно сравнивать Тагил и Рим?.. Но Е. Симонова приближает свой Тагил к городам подобного вечного типа и делает это ненавязчиво, но прочно и навсегда.

Биографически многое в отношении поэта к родному городу связано с тем, что сама Симонова с 2013 г. живет в Екатеринбурге и Тагил — это действительно город ее семьи: родителей, бабушек и дедушек, дядей и тетей — одним

словом, всего ее, точнее, их рода, и к этому большому ветвистому роду, естественно, подсоединена и сама поэтесса, и ее лирическая героиня — она представляет свой род и свою семью. Это не индивидуальное, но вполне личное прошлое она актуализирует в стихах, поскольку оно живет в ней и пробуждается порой совсем неожиданно и буднично, по ходу повседневной жизни, причем это персонифицированное прошлое, представленное в фигурах и лицах когда-то умерших родственников, вмешивающихся в действия героини, дающих ей советы, наказания и пр.

Поднимаю глаза, понимаю — в витрине
отражаюсь не я,
а мамино платье с прилипшей тополиной
пушинкой,
ее руки, внимательно,
чуть неуверенно перебирающие овощи,
отцовская ранняя седина, его недовольное
выражение рта

<...>

Делаю шаг к прилавку, но на плечо кладет
упреждающе
руку деда Афоня:
«Бог с ними, с печеньками — эт все баловство,
сейчас же

лето

<...>»

Прав деда Афоня, что тут скажешь — покупаю
ему черешни.

Залихватски тут же хлопает рукой
по ближайшему ящичку
баба Таня: «И арбуз возьмем! Самый большой!»
<...>

Баба Люда останавливает, укоряет: «Катя, да
какие арбузы
в июле?

<...>»

У самого подъезда слышу тихое покашливание,
оборачиваюсь:
о, сам дед Семен Аристархович, пузико вперед,
кепочка на затылочке! Ходит вокруг маленьким
гогольком...²⁸

Героиня словно излучает из себя вереницу отражений, все ее деды и бабки говорят и живут в ней и сквозь нее. Можно назвать это бытовой мистикой, абсолютно жизненной и правдивой, как шаркающая подошвами графиня в сне Германа («Пиковая дама» А. Пушкина). Но героине Симоновой совсем не страшно —

²⁷ Симонова Е. Уехать нельзя вернуться. URL: https://prosodia.ru/catalog/stikhi/ekaterina-simonova-uekhat-nelzya-vernutsya/ya/?fbclid=IwAR3w1wqvkDvcH4zIMyqNW9-YFVcJvxM_WqGnL4reFCWx-hzoNYeDseBuD9k (дата обращения: 12.12.2020).

²⁸ Симонова Е. Два ее единственных платья. М., 2020. С. 30–32. Далее стихотворения Е. Симоновой, кроме специальных отсылок, даются по данному изданию с указанием страниц в скобках в тексте.

осмысляет и переводит в поэтический нарратив привычное, постоянное, будничное, она делает это выпукло, словно курсивом, и маршрут до дома родителей в Тагиле со всеми остановками, домами, учреждениями, выученными наизусть, сопровождает ее долгую рефлексию, ее память и ее ностальгию, и все эти чувства, как уже было сказано, состояния не одного лишь ее индивидуального сознания, а сознания многих — тех, кто стоит за ее спиной («узнавая за твоей спиной кого-то, взглядывающегося в них...» — с. 19). У каждого городского места, упоминаемого в стихах Симоновой, два измерения — прошлое и настоящее, они сосуществуют, не исключая друг друга, и само прошлое может быть плодом городской молвы, знанием того, что знают все, а подчас это и не прошлое вовсе, а некое вечно длящееся бытие городских объектов, ничем особо не примечательных, кроме того, что они есть в городе и как-то связаны с историей героини, которая наделяет их своими смыслами.

...ехали долго

в ноябрьской тьме

Мимо кулинарного училища с дешевой
столовкой,

Мимо цыганского поселка с будто бы самопально
подведенным электричеством,

Мимо полностью выгоревшего лет пять назад
мебельного,

Мимо продажи надувных насосов за 5 800,
Мимо оврага, за которым минут через 10 ходьбы
инфекционка,

Мимо заброшенных садов, где когда-то
Цветы оттягивали к земле ветви кривой яблони
и рядом

паслись две козочки,

Мимо КРЗ, где работает стерженщицей подруга
Шнуркова,

Мимо той самой проходной, где мужик, чо,
все-таки
вышел,

Мимо кулинарии «Сказка», где я в шесть лет
взяла пирожное
«Пенек»

И нашла на пеньке живого таракана...

<...>

Мимо недостроенного дома престарелых,

Где тоже случилось что-то очень плохое,
не знаю чо,

Прямо до родительского дома (с. 27, 28).

Всеобщее «чо» объединяет героиню с ее местом и со всеми теми, кто в этом месте живет. Тагил — это именно место, он постоянен и есть всегда, у него есть своя история, которая упрятана в историю семьи, рода, бабушек и

бабушек симоновской героини, эта история — внутри, и сам город существует в ахронном измерении, в челночных движениях героини туда-обратно. Поэтому в стихотворении не фиксируется переход от Екатеринбурга (откуда едет героиня) к Тагилу (конечной цели ее пути), граница между ними стерта: ведь героиня живет в двух городах, ее дом — и там и здесь. Но целостным обликом в стихах Симоновой обладает именно Тагил, небольшой, по сути, домашний город, город-дом и город-семья. Такова принципиальная позиция Симоновой-поэта: больших городов, культурных столиц в ее стихах немного, за исключением, пожалуй, Петербурга — столицы и прибежища всех поэтов. «Город оказался таким, какие мы любим: / Разбегающиеся наивные улочки, кусты с бесконечными цветами <...> / Маленькая площадь с невысоким высохшим фонтаном, / Маленькие магазинчики, забитые вещами и сладостями...» (с. 29). Какой это город, неважно, ибо он таков, в котором удобно жить. «Все-таки нет ничего важнее маленькой жизни, поскольку / Сохранять ее на самом деле гораздо труднее, чем терять и гореть...» (с. 29).

Симонова заранее знает то, к чему двигалась отечественная литература последние два века, что, скажем, как личное открытие описывает в своей известной книге М. Степанова,³⁵ — что внешняя жизнь, жизнь вещей, не менее значительна, чем внутренняя, просто нужен тот, кто может рассказать, раскрыть, раскупорить сосуды вещей и мест — тогда они оживут и раскроют свою память. Симонова создает стихотворные новеллы, стихотворные повести, в которых перетекают одна в другую несколько историй, встречаются и разбегаются прочь жизни разных людей. Точкой их пересечений служит опять-таки некое место, поскольку «Иногда от сожалений по месту и времени / Невозможно избавиться...» (с. 35). Так, это может быть некая квартира, в которой раньше жила героиня, четко локализованная в тагильском пространстве, хотя сама эта локализация понятна лишь тем, кто с ней знаком, для остальных же она имеет привкус устных историй-анекдотов, а подчас историй-страшилок:

³⁵ Ср., напр.: «Коробки домашнего архива, где почти нет прямой речи, годящейся в свидетельства... эпителиальные клетки прожитого и произнесенного, — рассказчики не хуже тех, кто может говорить за себя. Хватило бы и перечня, простого перечисления предметов» (Степанова М. Памяти памяти: Романс. М., 2019. С. 33).

единичный Будапешт — город, визитной карточкой которого в ее стихотворении стали купальни: в них обнажаются женские тела, и сам город предстает в образах женского тела, становится метафорой человеческой плоти, скорее даже телесной плазмы, обнимающей мир («...в темном пространстве без начала и без конца, без цели и смысла, / женщины вообще казались / призраками самих себя, получившими плоть только на время — / время, когда следует увидеть то, что не следует видеть / ни живым, ни мертвым...» — с. 91). Телесность города в чувственных ощущениях и образах явлена в Петербурге: «ледяные каменные губы, мокрый снег — / вид снизу, с мостовой. / Петербург как полиэтиленовый пакет, / выдыхает и наполняется кислым воздухом... <...> только твои сладкие каменные губы...» (с. 93, 94); «весна — кисленькая — на кончике языка» (с. 95); «2015-й, Питер, канал Грибоедова, почти пять утра, / <...> сидим в китайской гостиной с огромным коричневым камином, / похожим на гигантский тульский пряник в сахарной глазури / <...> плеск воды, пресный ее успокаивающий запах, / розовые от утреннего света задницы белых львов» (с. 170). Мир этих городов дан сквозь призму культуры и традиции, усвоенной и присвоенной поэтессой. Та-

гил же — «свой» город, в нем можно говорить и думать «только по-русски», ибо «в наших городках» по-другому не бывает — «иначе мы бы совсем не понимали друг друга» (с. 108). В одном из стихотворений Симонова пронизательно замечает: «так уходит молодость, / так наконец заканчивается эпоха» (с. 171). Возможно, она последний поэт заходящей эпохи нижнетагильской поэзии, последний бард этого «маленького тюремно-заводского уральского города».

В поэзии Е. Симоновой снимаются традиционные оппозиции «центр — периферия», «столица — провинция». Да, Нижний Тагил — это некая культурная и географическая периферия и провинция, скорее даже окраина, и Симонова с этим не спорит, но в той же мере Тагил предстает как своеобразный центр мира, мира ее поэзии, равноценной просто миру (ибо такова способность поэтического мира любого большого поэта — занимать и замещать собою весь большой мир). Центральность Тагила онтологична и ценностна, и она же конечна в силу обозначенной поэтом темпоральной границы («не станет их... (родителей)»), но внутри себя она длится всегда, растягивая настоящее в непрерывно-дискретном времени сознания и памяти.

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

NIZHNY TAGIL IN THE URALS CONTEMPORARY POETRY. EKATERINA SIMONOVA

This article focuses on the images of Nizhny Tagil in the contemporary poetry of the Urals. The phenomenon of “Nizhny Tagil poetic school” or “Nizhny Tagil renaissance” emerged in the early 2000s when young poets of Evgeny Turenko’s circle entered the poetry scene. This “school” lasted for about a decade but made a mark in the history of literature. The paradoxical imagery of the native city in its representatives’ poems stems from the fact that Nizhny Tagil is mostly portrayed as a “negative locus” or as a kind of “negative space”, in D. Davydov’s words. This is observed primarily in the poems of E. Turenko himself; in the poetry of his students, whenever the city is mentioned, it is shown from a negative perspective or altogether replaced by the town of Kushva. A different image of the city is presented in the poetry of Ekaterina Simonova, who also emerged from the Nizhny Tagil school and is now living in Ekaterinburg. The image of Tagil in her poems is closely connected to the themes of memory, family, and the lineage of the poetess, to which she feels a personal belonging. This is the reason why in her poetic world objects are so important; they keep traces not only of memories and past lives, but also the impressions of close people to whom she gives voice in her poems. Capturing the history of everyday life, Simonova creates poetic novellas in which life-stories of different people flow into one another. Nizhny Tagil here is portrayed as a place to which the lyrical heroine constantly returns, its mental map is revealed through the trajectory of the heroine’s movements and her constant peering into herself as the “other”. It exists in the achronic dimension, it is truly an “eternal city”, serving as a reference point during her encounters with other cities and people.

Keywords: *Nizhny Tagil, Ural poetry, Nizhny Tagil poetry school, Evgeny Turenko, Ekaterina Simonova, image of the city*

REFERENCES

- Alexandrova N. [More immortal than memory]. *Paradigma* [Paradigm], 2020, no. 2. Available at: <https://prdg.me/ru/bessmertnee-pamjati?fbclid=IwARoCeNhhFQbKAffmdfZiXwclmhJGwCSKFSfigdQIk7XLl68Im7tUwr-f5t4> (accessed: 12.12.2020). (in Russ.).
- [Anthology of contemporary Ural poetry. Round table discussion: Dmitry Kuzmin. Danila Davydov. Dmitry Prigov. Andrey Voznesensky. Richard Mckane. Daniel Wessbort]. *Uralskaya nov'* [Ural contemporaneity], 2004, no. 18. Available at: <http://magazines.russ.ra/urnov/2004/18/antl6.htm1> (accessed: 12.12.2020). (in Russ.).
- Davydov D. M. [To the description of the “Nizhny Tagil poetic renaissance” phenomenon]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2008, iss. 4, pp. 91–96. (in Russ.).
- Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1997. (in Russ.).
- Neklyudov S. Yu. [Moscow’s body: on the question of the image of a “woman-city” in Russian literature]. *Telo v russkoy kul'ture* [Body in Russian culture]. Moscow: NLO Publ., 2005, pp. 361–385. (in Russ.).
- Podlubnova Yu. S. [“I am Tagil!”: The practice of self-determination of the Ural poets of the 2000–2010s]. *“Vakansiya poeta” v russkoy i zarubezhnoy literature rubezha XX–XXI vekov. Materialy Mezhdunarod. nauch. konf.* [“The vacancy of a poet” in Russian and foreign literature at the turn of the 20th–21st centuries. Materials of the International Sci. Conf.]. Voronezh: AO “Voronezhskaya oblastnaya tipografiya” Publ., 2019, pp. 103–117. (in Russ.).
- Rakov V., Kalpidi V., Boldyrev N. [Ural triangle: a city as an entry point]. *Ural'skaya poeticheskaya shkola: Entsiklopediya* [Ural poetry school: Encyclopedia]. Chelyabinsk: IG “Desyat' tysyach slov” Publ., 2013, pp. 28–41. (in Russ.).
- Ventslova T. [Comparing the Vilnius and Tallinn text]. *Semiotika goroda: Materialy Tret'ikh Lotmanovskikh dney v Tallinnskom universitete* [Semiotics of the city: Materials of the Third Lotman days at Tallinn University]. Tallinn: TLU Publ., 2014, pp. 29–55. (in Russ.).